

«На просторах Евразии есть ВСЁ!»

Константин Ушкин живёт на барахолке. Во всех смыслах. Во-первых, Костя частенько ворчит: «В России не цивилизованный рынок, а чёрт знает что! Барахолка какая-то!» Во-вторых, жилище Ушкиных находится у ограды рынка «Евразия» (в просторечии – барахолка). В-третьих, Костя зарабатывает на рекламе в «Евразии» и набирает рекламную газету со странным названием «Борабах», которая в народе тоже именуется «Барахолкой».

Что такое «Бо-ра-бах»? Не волнуйтесь! Это просто: Борис Александрович Бахарев – акционер, а точнее – действительный владелец «Евразии».

На просторах «Евразии» есть ВСЁ! Иногда это «всё» накрывает и уносит волна покупательского спроса, а иногда торговцам требуется терпение кошки перед мышинной норой, нужна способность к оригинальным решениям, иначе – прогоришь!

В углу рыночной территории, наверху одного из павильонов пост Константина Павловича Ушкина соседствует с охранной фирмой. Как выражается сам Костя – «поэты и гусары в одном флаконе». У Кости в распоряжении набор аппаратуры. И над «Евразией» звучат древние мелодии, типа «Овощного танго» или «Миллиона роз». Или бархатный голос Ушкина вещает на всю округу:

*Не болей и не скучай!
По утрам пей чёрный чай!
Для здоровья чудный дар
Есть в отделе «Самовар»!*

«Уважаемые покупатели, в первом павильоне – разнообразие горшочков для рассады!»

По утрам в Костину «стекляшку» с панорамным окном являются владельцы товара и продавщицы, просят рекламировать в рифму новые поступления. Мужчины дают Косте советы по литературной части, а женщины называют Костю гением и целуют в щёчку.

– Костичка-а, милачо-ок! Утречком про молочко не забывай молвить, – канючит молочница баба Мося Репина. Ушкин гладит её по мятой белой косынке, кивает и осторожно подталкивает к выходу.

Арендатор Вова захлёбывается словами, дёргает Костю за рукав:

– Костян! Прикинь, трикотажу навезли! Российский! Щас ещё кэк навезём! Колготки – мать твою! Такушие-растакушие! Такушие...

Костя останавливает поток:

– Минуточку! – поднимает правую руку, щёлкает пальцами и торжественно возглашает:

*Давайте вместе дружно скажем:
Гордимся русским трикотажем!
Сюда спешите, патриотки,
Купить российские колготки!*

– Не патриотки, а красотки лучше, – поправляет Вова.

Но на Костю уже насаждает Абдулло:

– Ласково говори, нежно говори: персики сочные, персики вку-усные! О-о-а! Очень вкусные! Из-за плеча Абдулло озорует Хадича:

– Как листья капустные!

Абдулло сонливо-грозно оборачивается. Хадичу как ветром сдувает.

Собравшаяся компания балагурит на разные лады:

– Не персики – картошка!

– Не инжир, а лук гнилой! Абдулло, не сердись, дорогой!

– Хляньте, хляньте, який гад!

– А гранаты у него – серьёзные!

– Убить могут!

Абдулло пыхтит и хмурится, а потом растягивает рот до ушей и заливается дребезжащим смехом.

Охранники перекрикивают гвалт:

– Константин! Не надорвись, труженик! Выпрываживай, духотища же!

Костя не слышит. Перед ним кучка скомканных листов, выданных из блокнота. Ушкин бормочет, сидя на краю стола и болтая в такт ногами:

– Без молока обойтись нелегко, в палатке седьмой вы найдёте его! Тёплый, на вате, для кожи приятен... Нет, какая вата, хм... парад, ухват... брат...

Незаметно для себя Костя переходит на тропу русской поэзии и трубит слогом:

*Как я люблю тебя, халат!
Одежда праздности и лени,
Товарищ тайных наслаждений
И поэтических отпад!*

Опять Николай в голову идёт, что такое...

– Какой Николай, Костя?

– Да Языков... В девятнадцатом столетии писал «волен телом, как душой»... что-то дальше не помню...

Нынче на рынке трудное, но и счастливое время – Пасхальная неделя. Покупатели тратят прибережённые суммы, всем хочется влечь поразговляться. К тому же и взрослым, и детям понадобилась одежда-обувь для тёплой погоды, а у малышей возросла потребность в шоколадных яйцах, песочных наборах и воздушных шарах.

У Кости Ушкина превосходное настроение: реклама не требуется, на рынке стоит гул, поверх него – в полёте – музыкальная программа на два часа. Константин Павлович смотрит ТВ, читает роман, грызёт яблоко. Спиртное не входит в сферу его интересов, ему и так отлично дышится на этом свете. В окне противоположного здания Костя наблюдает жену Оленьку. Она сидит перед монитором и составляет отчёт, ох, ей не до веселья! Ушкину смутно виден только профиль, но Константин представляет и всегда румяные щёчки, и сломанный ноготок на мизинце. Ноготок сломан в чудесной вчерашней драке. Костя обожает, когда жена вступает в единоборство! Вчера Оля гневалась на мужа из-за того, что он сожрал коробку подаренных шефом конфет. Оленька сама намеревалась съесть всё ассорти, но Костя опередил.

– У тебя от шоколадок жир и сыпь! – вопил он, убегая от царапучих ручек супружницы. – Я тебя спасал! Сынку, мы боремся с ляхами!

Конечно, ночь Костя провёл на коротком диванчике, в кухне, но он точно знает, как распрекрасна будет предстоящая игра на брачном ложе.

Жена для Кости – его всё! Косте по вкусу и то, что она «ночная жрица»: постоянно пасётся около холодильника; и её звание бухгалтера, и её иногда пугающая прозорливость; и то, что именно она научила Костю добавлять оливковое масло при варке макарон. Вдобавок жена поддерживает ровные отношения с соседями по двухэтажке (постройки пятидесятых XX века).

Небольшой человек приютил таких разных персонажей, что диву даёшься. От Каннибаловых (это не фамилия, а прозвище, но фамилия – хуже, не хочется и поминать) вечно чем-то воняет на

весь подъезд. Около их двери – подозрительные лужицы, а окологужные коты-пришельцы светят дикими глазами на проходящих. В квартире бабы Сони сгнил пол, давно обрушилась часть потолка. Бомжи с чердака весь прошлый год проникали незамеченными к бабушке в холодильник, правда, объедали женщину по-божески, оставляя и на её долю. А один раз даже подложили неплохую палку краденой колбасы. У двери в подвал, где живёт Банкир – дворник банка Савин, периодически появляются ёжики из шприцов. Банкиру не хватает денег на прививку от бедности (так шутит Оля), и он упорно просит в долг. Всегда тихо за дверью обители Васи, который раза три в год сам себя сдаёт на хранение психиатрам. Васино занятие: сочинение кроссвордов для «Борабаха» и философские беседы с глухой бабой Соней:

– Вы знаете, Софья Андреевна, – (она Ивановна, но для Васи – образ вдовы Толстого), – что наша телевышка постоянно принимает сигналы от божественной сущности?

– Принимаю, голубчик, принимаю. Столько всего навывисывали, пенсию всю покончила! Целый стол в лекарствах!

– Софья Андреевна! Лекарств и болезней скоро не будет! Бог заступится за нас: меня перестанут превращать в овоща. Все будут счастливы, как Костя с женой! Вы верите мне, Софья Андреевна?

– Нет, Вася, в Бога – не верую. Устала от всего. Скорей бы отмучаться. А то готовишь да ешь, ешь да готовишь, а дочки не приходят.

В квартире № 8 живёт СС – Стешин Станислав Сергеевич с незаметной женой. СС – охранник на рынке и очень жёсткий человек: с тёщей – бабой Соней – вообще не общается. В № 6 обитает Даня Бледный, актёр и лидер группы «Цирк». В № 7 – мать и дочь Никудаевы. Где они работают – неясно. Но вечера мать с дочкой просиживают то у одних родственников, то у других. Едят с неподражаемым аппетитом родственную пищу, стирают, а иногда и шьют на родственных машинках, принимают в дар от родни одежду, обувь, посуду, лампы, прочитанные книги и газеты.

Прошлым летом Никудаевы объявились в чистенькой квартирке бабы Моси Репиной как родня по линии двоюродного дедушки. Баба Мося расцвела. С каким рвением Никудаевы, которых баба Мося нарекла «утешительницами», поглощали Мосины постряпушки! Даже руками сталкивались над блюдами! Как безвопросно и безропотно выслушивали рассказы о жизни – не то что бабушки у подъезда! Стоя в белом фартучке у стола, баба Мося повествовала о коровьих родах, о покосе, о том, как упала с дерева под ноги быку. Точила слёзы, вспоминая о смерти любимой Зорьки и о человеческих судьбах, болезнях и смертях, известных ей. Два месяца рассказов! – полноценная жизнь. Но постепенно удовольствие стало таять, как таяли её богатые денежные и продуктовые припасы. Никудаевы

после обильной кормёжки расходились по разным углам, надолго занимая ванную и туалет. В ванной занималась стиркой старшая, а младшая, сидя на унитаже и хихикая, шептала что-то в телефон.

В один замечательный (от глагола «замечать») день баба Мося обнаружила бездну каменного безразличия в глазах «утешительниц», когда они под рассказ Моси о последнем дне войны хлебали мясные щи. А назавтра заметила, как старшая Никудаева в очередной раз протопала в уличной обуви по свежим половикам в ванную с огромным тюком грязного белья.

– Миленькая, откеда ж у вас бельища-то столько всегда?

Никудаева, снисходительно позёывая, объяснила бабе Мосе, что на окраине они держат хостел – комнатёнку для приезжих, на часы. Вот и приходится после всяких понаехавших грязь убирать.

– А нет ли у вас, Моисея Игнатьевна, пылесоса? Очень нужен!

Баба Мося побулькала горлом и вдруг визгливо-плачуще закричала:

– Ишшо и пылесос-ос?! А свово-то чо нажили?!

Она топала ногами в белых шерстяных носочках до тех пор, пока Никудаевы не собрали пожитки и не исчезли за дверью.

Старшая Никудаева бубнила возмущённо:

– Ну, жалко пылесоса, так чего орать по-хамски – скажи, мы не без мозгов. У других найдём...

– Мам, а вообще-то – чего она?

– Дык старая, мозги набекрень, из деревни. Ничего! Мы у Булаевых давно не были, люди интеллигентные, борщи у них лучше, чем в ресторане.

Длинные фигуры обиженных Никудаевых, плетущихся с узлами по осенней улице, углядел и запечатлел на небольшом картоне местный художник Гарик Нерсесян. Название работы меланхолично: «Осенний дождь».

У братьев Нерсесянов, с их дедушками, жёнами и шестью детьми (хотя, может, уже и семью – теснота не мешает им размножаться), – самая шумная квартира в человейнике у ограды «Евразии». Нерсесяновские окна смотрят как раз на рыночную сторону.

А в правом углу рынка (если смотреть с переулка Полевого, в произношении жителей «пылевого») красуется собственность братьев Нерсесянов – художественный туалет. Сюда заглядывают не только чтобы почти мгновенно уменьшить свой вес, но и с целью глянуть на еженедельно обновляемые фото и живопись ню. Талантливый Гарик любит и умеет изображать торсы, а его младший брат – бюсты. Кроме того, по праздникам, около кассы, размещаются портреты министра Шойгу и товарища Сталина, а 12 июня – и самого мэра! Представьте себе, и торсы, и портреты продаются и пользуются устойчивым спросом. Вдобавок братья пишут на туалетной бумаге готическим шрифтом афоризмы Конфуция, цитаты из Хайяма, вырезают рамки для

фото, делают на заказ вывески, точат ключи, составляют букеты из искусственных цветов, мастрят безглазых кукол, плетут коврики, ремонтируют женские туфли. Братьям и поесть некогда, их на ходу «заправляет» сестра Анаит (она же заведует кассой, служит уборщицей и поставщицей моделей для ню).

Раз в год старший Нерсесян ездит в Питер продавать картины. На не предназначенных для туалета полотнах – русские природа и лица. Всё русское для Гарика превосходно! Он постоянно укоряет Ушкина за то, что Костя недостаточно ценит страну отцов: «Ты, Константин, – нэблагодарная!» Гарик был привезён в Россию подростком, намучался с языком, климатом, с бьющими и пьющими однокурсниками. Но по сравнению с Карабахом неприятности казались пустяками. Гарик отучился в художественной школе, в училище, пристрастился к путешествиям по русским равнинам, женился на любимой, родил любимых детей, не помнил имён обидчиков. И теперь свято верит, что всё русское и есть причина его частного успеха: «Смотри, какой туалет – дворэц!» Ушкин трунит над приятелем:

– Армянский миллиардер с неоплаченными русскими кредитами, молился ли ты на ночь о бесплатной земле под семейный очаг?

Гарик мрачнеет:

– Опять, слышай, очередь отодвинули! – и делится другой обидой: Гарик решил подарить любимое полотно родной русской школе. Явился в парадном виде, прислонил картину к стене, с дурацкой улыбкой произнёс красивую фразу о подарке. Но зазвонил директорский телефон. Директриса что-то гаркнула в трубку и оборотилась к Гарику: «Ну, и что ещё вам нужно-то?» Гарик оставил договор дарения на столе и побрёл домой, представляя, как его творение выкидывают на свалку.

– Дирэктор! Она нэкультурный? А детки?

Костя сердится на Гарика:

– Нашёл кому картины дарить! Системе образования!

В Пасхальную неделю на рынке много забот охранникам. СС (Станиславу Сергеевичу) осточертели обязанности, хочется свободно выпить-закусить, посидеть за домашним столом, помутривать от души жену. Заметив, что начальство отправилось восвояси, СС решает конфисковать бутылочку-две и конфеты. А выпив и закусив, ощущает вернувшийся кураж. Он входит в асфальтовый лабиринт «Евразии» с желанием найти нарушителя и сделать наглецу очень больно. Но кругом весёлая суета и вполне себе мир и благолепие. Полчаса хождения усиливают желание. И оп-ля! Знакомое всем на рынке лицо цыганской национальности!

Попрошайка Альбина обычно вручает СС небольшую взятку и спокойно пасётся у знакомых торговцев. Скромненько клянчит у покупателей, складывает подаяния в большую клетчатую сумку. Тридцатилетняя Альбина похожа на тощую девочку

лет десяти, ей охотно отдадут одежду с небольшими дефектами, залежалые продукты. Гадает она редко, но метко, и сама боится своих гаданий. Это насекомое существо с глазами индийской актрисы обслуживает прожорливое семейство временного мужа: стариков, мужнину сестру с детьми, мужнина брата. У них у всех, в отличие от Альбины, нет документов, поэтому они требуют от Альбины хождения «в гав»: де, кому, как не ей, кормить семью? Капризничают: «Что принесла? Кушать не будем, что мы, собаки, что ли?» Альбина мучается болями в спине и животе, проклинает цыган, включая саму себя, но каждый день таскает сумки, меняет шило на мыло, подлизывается к торговкам, плачет, когда припечёт.

СС она встречает белозубой улыбкой: «Сейчас, Станислав Сергеевич, наберу и отдам!» Но СС хватается её железной хваткой за смуглые запястья: «Попалась? В полицию захотела? Я тебе припишу-пропишу! У нас тут магазин обокрали. Некому, кроме тебя, наводчица!»

Альбина ошарашена. От СС несёт спиртным, он массивнее её раз в пять, да и репутация у СС страшноватая (хотя разные слухи), и недаром прозвище у него – СС. СС волочёт Альбину куда-то на задворки, в тесные дебри, её выпученные глаза наливаются слезами. Навстречу, посвистывая, выныривает с деревянными рейками в руках Гарик Нерсесян и заступает путь:

- Что случилось, Станислав Сергеич?
- Не касается! Вали!
- Что, послушай, сделала-то? Отпусти, Сергеич! Я тебя на портрэт сниму, в рамочке лучшей!
- Вали!!

И СС виртуозно, яростно, смачно матерится. Альбина кусает его руку, как мелкий хищник. Чудом выдирается из плена и бежит, лавируя и завывая:

- Лю-у-ди! Мамочки!

За ней с мощным топаньем – СС, за ним – Гарик, за Гариком – юноша с рекламой на животе. По ходу погони образуются завихрения, людские пробки. Кто-то бежит следом, кто-то смотрит остановившимися глазами, как будто его окунули в прорубь, кто-то сверхбдительный набирает номер полиции.

СС не догнал бы юрку цыганку, но старшая Никудаева с радостью выставляет поперёк движения Альбины баул с набранным у родни добром, и цыганка падает лицом в асфальт.

СС начисто забывает должностные инструкции и прошлые неприятности при увольнении из органов. СС-сущность дорвалась-таки до разрешённого (таковы его ощущения) удовольствия. Тяжёлые башмаки бьют по костлявому цыганскому телу. Но запыхавшийся Гарик тут как тут. Гневу его нет предела. Гариковская жена отдаёт детские вещи Альбине, цыганка иногда пьёт чай в киоске у Маринэ, и Гарик, хотя и недолюбливает цыган, но конкретно данную Альбину считает домашним гостем. Армянская кровь кипит и мешает оценить соотношение сил. И старший Нерсесян виснет на СС, и ему достаются удары, предназначенные

Альбине. Спасает храбреца явление Константина Павловича Ушкина. Большой Костя одной могучей рукой обнимает мелкого Гарика, другой могучей рукой легко гасит дурь пьяного СС.

Подросевшие полиция и скорая разбираются с происшествием. Торговцы, Гарик, Костя, другие свидетели утверждают, что гражданка (Альбина) – обычная покупательница. Продавщицы даже сообщают в подробностях, что якобы она у них сегодня купила.

– Этот СС спятил, напился. Ни с того ни с сего набросился...

– Сволочь, – со свистом, себе под нос бормочет самая толстая из торговок.

Пришедшую в себя цыганку забирает скорая. Альбине успевают нашептать:

– Про «гав» – ни гу-гу, работаешь домработницей у Ушкиных, Костя подтвердит!

Гарик Нерсесян дрожит от возбуждения:

– Она, этот Сергеич, как нерусский! Всегда хохочет, когда другие плакают! У русских душа добрая, смиренная, а она – противный, тьфу!

Торговки пересмеиваются:

- Сейчас про любимую Россию будет!
- Гарик, иди, пустыряк накапаю!
- Гарегин, гимн спой!

Постепенно «Евразия» успокаивается, насущные дела захватывают граждан. Только малыши, невольно ставшие свидетелями драки, пугливо оглядываются и уносят в будущую жизнь жуткое впечатление от того, как какой-то Бармалей напал на девочку среди бела дня.

Включив над «Евразией» лирическую программу, Ушкин сидит у себя на верхотуре, пьёт кофе с двумя коллегами СС. Костя веселит их:

– Не бейтесь в конвульсиях! Что только не случается в России! Здесь прошли и красные, и белые, Дуся сошла с ума от сериалов! А СС, конечно, большой шкаф, но антресоль хламом забита.

– Одно хорошо бы его уволили ещё в прошлом году, а то...

– Не уволит! У них вась-вась было. Он и премию, гляди, выпишет за бдительность. За сиротою сам бог с калитою.

– А позорно – девку бил.

– Хуже мог!

– Он может! И ведь всё с рук, мать его...

Ушкин переключает разговор на политику, пускается в историю вплоть до Ивана Грозного, признаёт тягу к обогащению средневековым развлечением дегенератов, а распил бюджета – уродством, развивает идеи, как всё должно идти «по-человечески», потом читает свои «настоящие» стихи:

*Впрямь будто рот душе зашили,
И неуклюжими большими...*

Охранники с почтением внимают Костиным речам.

– Эх! У меня мыслей-то тоже много, а сказать нечего!

– О книжке думать надо, Костян!

– Да зачем ему книжка! У него получше есть!

Жена молодая, любовь! Всё, Кость, молчу, ни звука!.. Ещё почитай!

Но у Кости звонит телефон, Ушкин уходит встречать Олю, поразведать, что там с СС, да ему пора подумать и о будущем номере «Борабаха».

В это время Бо-ра-бах, то есть господин Бахарев, извещённый об инциденте на рынке, насупленный, гуляет по обширной гостиной. Драка его не занимает. Хмурится он по другой причине: приснился отчётливый сон об измене жены. И он так (в яви) рассердился, что не разговаривает с супругой вторые сутки. То, что жена не понимает вины, его ещё пуще злит. И всё в жизни кажется Борису Александровичу отвратительным, даже бессмысленным. И зачем ему сдалась, к примеру, «Евразия»? Есть другие части бизнеса, более соответствующие статусу. Закрывать, правда – и баста!

А в больничной палате Альбина, невзирая на головокружение и противную тошноту, наслаждается свободой от обязанностей. Морщась от боли, улыбается, обдумывая, как попросит добрую Олю принести одежду и немного денег. Как на попутках доберётся до Крыма, до троюродного брата, у которого якобы богатое хозяйство, как хорошо будет без смрадной избы в пригороде, где ждут приношений ленивые соплеменники.

– Что я им, нанималась, да? – храбрится она.

Вспоминает побеги из детдома, поиски матери, первую любовь – красивого Алика, севшего за нар-

котики, потерю сына, удачные и неудачные походы «в гав» в дальние места.

В палату запускают Даню Бледного с передачкой – пакетом яблок. Альбина не понимает, кто этот симпатичный бородач, и собирается врать в три завёртки. Но Даня задаёт забавные вопросы: умеет ли она петь? А танцевать? Знает ли цыганский фольклор? Ничегошеньки не знает Альбина, выросшая в детдоме, никакого фольклора; ни петь, ни танцевать, да и отвечать на вопросы – не умеет. Даня разочарован, но приветливо улыбается, вздыхает и исчезает из жизни Альбины.

Наступает весенняя ночь. На противоположном от рынка конце города, на дальнем берегу заводского пруда лягушки дают первый в сезоне концерт. Чёрный толстый уж с бархатной спинкой очень доволен количеством дичи.

У ближнего берега плещут по воде огни завода. Завод ревет, гудят тонко электровозы. Началась ночная смена, плавится металл. Русские и не очень русские мужики, как пятьдесят, как двести лет назад, напрягают жилы, забывая несправедливые размеры зарплаты. Район же «барахолки» спит. Спят на посту охранники, спят в тесных квартирках торговки, им сняты очереди Пасхальной недели. Баба Соня стонет во сне: ей мерещится болезненная медицинская процедура. Только Дане и Косте Ушкину не спится. Даня перед зеркалом репетирует новую роль. Кость, налюбовавшись на спящую жену, сочиняет поэму о стране неправильного капитализма.